

Суровы были дороги Отечественной войны. С особым упорством фашисты рвались к Ленинграду, чтобы уничтожить город и всё население. Ценой больших жертв вывозили советские солдаты из блокадного Ленинграда измождённых от голода детей в российскую глубинку. Много эвакуированных стекалось в Поволжье. Николаевский район принял 3850 человек, Барановский – 2495 человек. Все были трудоустроены и обеспечены одеждой.

Воспитанники детского дома в Топорине в годы войны

Так распорядилась судьба

В конце 1942 года на Белое Озеро прибыло 350 детей из блокадного Ленинграда. Они были истощены и требовали внимательного ухода. Их окружили неустанной заботой местные педагоги и воспитатели. В Николаевском районе и ныне живут свидетели ленинградской блокады.

Село Славкино стало родным для Юрия Константиновича Базарова. Он вспоминал: «Перед самой войной родители были репрессированы. Остались мы с братом на руках у бабушки. Когда надо было призвать детей к порядку, она говорила: «Закрой окно, а то Гитлер придёт и вас заберёт».

Началась война, и бабушка, чтобы спасти внучат от голода, отдала их летом 1941 года в детский дом № 40 Фрунзенского района Ленинграда. «В начале нас кормили хорошо, – рассказал Юрий Константинович, – но после того, как продовольственный склад был разбомблён, с питанием начались проблемы: кормить стали плохо, паёк состоял из ложки рыбьего жира и глюкозы».

В городе начался голод. Он не обошёл стороной детский дом, в котором воспитывались два брата Базаровых. Воспитатели велели молча лежать – беречь силы. Время от времени проверяли детей – живы ли? Мёртвых выносили на улицу и складывали трупы вдоль забора. Маленьких мертвецов воспитанники детского дома не боялись, чувство страха притуплялось

Директор Николаевского детского дома М.К. Ключарёва

от голода, да и вообще было какое-то безразличие ко всему...

В память врезалась важная для мальчика сцена: в начале войны в детский дом пришла очень красивая молодая женщина и принесла ему буханку хлеба. Возможно, это была мать – так хотелось ему в это верить! Мама его, Александра Александровна, была из древнего дворянского рода Рылеевых.

Далее он рассказал: «В 1942 году нас начали перевозить по Ладожскому озеру на «Большую землю». Когда нас привезли к озеру, здесь было большое скопление людей, шум, гам, свист снарядов. Сплошной ад, бомбёжка. На берегу стояли зенитки. Перевозили на пароходе под непрерывным обстрелом. Мне тогда было восемь лет. Довезли нас до Ярославской области,

где и расформировали. А по дороге состав несколько раз бомбили – доехали до станции Шестихино без последнего вагона. Потом добирались на лошадях. Возглавила детский дом № 86 эвакуированная вместе с детьми Анна Ивановна Большакова, воспитателем работала Ольга Николаевна Муратова».

В памяти Юрия Константиновича остались трое друзей-ровесников, которые умерли от голода на его глазах. Фамилию девочки он помнит до сих пор – Ира Назарова. Место, куда привезли детей, поразило тишиной. Здесь почти не говорили о войне, не было и воя воздушной тревоги. И дети постепенно отходили душой. Юные ленинградцы считали, что хлеб растёт прямо буханками – они понятия не имели, что колосья – это и есть хлеб. До 14 лет Юрий Константинович воспитывался в детском доме. Вернувшись в родной Ленинград, он не нашёл своего дома: на его месте зияла огромная воронка. Юрию удалось найти отца, но оказалось, что тот был вторично женат, и сын ему не нужен. Юноша поступил в ремесленное училище, там нашлось место в общежитии, и вскоре получил специальность фрезеровщика. В 1953 году его призвали в армию. Курс молодого бойца он прошёл в Эстонии, где ему суждено было встретить свою вторую половину – уроженку Николаевского района – и приехать в эти края навсегда.